

Олег Игоревич Копач

кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
Минский государственный лингвистический университет (220034, Республика Беларусь, Минск,
ул. Захарова, 21)

E-mail: alehkopach@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9973-0334>

Грамматика топонимных конструкций в свете энактивизма: методологический ракурс

Аннотация

В статье представлено описание методологии когнитивно-грамматического исследования географических имен. В основе разработанного на базе энактивизма подхода лежит гипотеза о том, что посредством топонимов человек вырабатывает схемы ориентирования в пространстве. Материал исследования включает микротопонимы, ойконимы и гидронимы шести историко-этнографических регионов Республики Беларусь (по два района). Теоретическую основу работы образуют грамматика конструкций, теории концептуальных метонимии и метафоры. Энактивная топосистема выстраивается от начальной референтной точки — места проживания человека — и рассматривается как совокупность холистических знаков-конструкций, предназначенных для организации перемещения в значимом для местных жителей пространстве. Формализованное представление вертикальных и горизонтальных отношений топонимии опирается на генерализацию регулярно используемых в речи одноструктурных топознаков и последовательное расширение двух сторон этих знаков в ходе рекуррентных действий по именованию объектов разных зон пространства. Соотнесение имен с системами пространственной референции выявляет референтные точки топостранства, определяет базисную модель топосистемы и реализующие ее конструкции. Использование последних автоматизируется в речевой практике и охватывает как типичное для ориентирования указание на фоновый объект, так и вовлеченное в эту деятельность по аналогии описание качественных и притягательных характеристик объектов. Территориальная приуроченность единообразно построенных небазисных единиц, наблюдаемых на разном расстоянии от центра, но не интегрируемых в связную топонимную сеть, позволяет постулировать существование в топосистеме функционально-иерархических отношений, регулирующих ориентирование в конкретных зонах пространства. Определение способов переноса значений конструкций подчеркивает различную роль концептуальных метонимии и метафоры в расширении когнитивно-грамматической модели топосистемы. Разработанная методология представляет создание топонимов как деятельность человека, в которой взаимосвязан его перцептивный и моторный опыт ориентирования на местности; выявляет пространственные значения целостных имен и рекуррентную связь грамматической семантики топонимов; демонстрирует зависимость функционального статуса топонимов от месторасположения их референтов.

Ключевые слова

энактивизм; грамматика конструкций; микротопонимы; ойконимы; гидронимы; концептуальная метонимия; концептуальная метафора; референциальная система; базисная модель топосистемы; зона пространства

Для цитирования

Kopach O. I. Грамматика топонимных конструкций в свете энактивизма: методологический ракурс // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 2. С. 122–147. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.019

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2024

Рукопись принята к печати 12.12.2024

Aleh Iharavich KOPACH

PhD, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Minsk State Linguistic University (21, Zakhарова St., 220034 Minsk, Republic of Belarus).

Email: alehkopach@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9973-0334>

The Grammar of Toponymic Constructions in the Light of Enactivism: A Methodological Perspective

Abstract

This article proposes a methodology for the cognitive-grammatical analysis of geographical names, informed by the principles of enactivism. The approach rests on the hypothesis that toponyms encode spatial orientation patterns shaped through embodied human experience. The study draws on microtoponyms, oikonyms, and hydronyms from six historical-ethnographic regions of the Republic of Belarus (two districts in each). The theoretical framework integrates construction grammar, conceptual metonymy and metaphor theories. Within this framework, the toponymic system is organized around a primary reference point — typically the speaker's place of residence — and is examined as a set of holistic constructions used to navigate locally meaningful space. Toponymic relations are described both vertically and horizontally, using recurring naming patterns found in speech. These patterns grow through recursive use across different spatial zones. Mapping names onto spatial reference systems reveals key reference points in toponymic space, identifies the basic model of the toponymic system, and the forms through which it is realized. These constructions become conventionalized in everyday speech, supporting orientation by reference to background landmarks, as well as descriptions of qualitative or possessive characteristics of objects. The presence of regularly formed, non-central toponyms, located at varying distances from the core but not linked into a single network, suggests a functional hierarchy within the system that supports orientation in distinct areas. The analysis of semantic extension within these constructions highlights the differing roles of metonymy and metaphor in the development of the system. The proposed methodology frames toponym creation as a human activity linking perception and spatial movement. It uncovers the spatial meanings of holistic

toponyms, the recursive structure of their grammatical semantics, and the extent to which their functional status is determined by the location of their referents.

Keywords

enactivism; construction grammar; microtoponyms; oikonyms; hydronyms; conceptual metonymy; conceptual metaphor; referential system; basic model of a toponymic system; spatial zone

For citation

Kopach, A. I. (2025). The Grammar of Toponymic Constructions in the Light of Enactivism: A Methodological Perspective. *Voprosy onomastiki*, 22(2), 122–147. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.019

Received on 31 October 2024

Accepted on 12 December 2024

Когнитивное моделирование языка представлено широким спектром методик обработки материала, часть из которых используется при изучении топонимии (М. В. Голомидова, Л. М. Дмитриева, Е. Л. Березович, О. Т. Молчанова, О. И. Копач, В. В. Алпатов, Г. С. Доржиева, А. Ю. Щербак, Т. В. Никольская, Е. Л. Калинина, Э. Хансак, С. Брендлер, В. ван Лангендонк, А. Лейно, К. Ресеги и др.) (см. обзоры в [Ковлакас 2021; Копач 2020: 49–56; Reszegi 2023]). Как правило, они представляют материал с позиций когнитивной семантики, что продолжает традицию изучения географических имён как единиц лексикона. Предмет исследования содержательной составляющей топонимии сводится в таких работах к глубинному анализу семантики мотиватора или описанию свойств топоосновы и топоформанта, объединяемых концептуальным предикатом. Подобные стратегии разработки проблемы проприального значения позволяют классифицировать мотивы выбора субъектом элементов имени, но не рассматривают его как целостный знак, несущий пространственную семантику.

В работах, направленных на анализ грамматики онима, интерес разработчиков моделей топосистем привлекают, как правило, не собственно когнитивные аспекты номинации и трактовка топонимов как холистических единиц, а их морфо-синтаксические свойства [Schlücker, Ackermann 2017]; типология разноязычных имён [Stolz et al. 2014; Stolz, Levkovych 2020]; обусловленность их структуры принадлежностью к классу топообъектов [Van Langendonck 2007]; своеобразие систем референции в традиционных обществах [Levinson, Wilkins 2006]. Примером последовательного обращения к принципам когнитивной грамматики в топонимии является исследование финских озерных имён А. Лейно [Leino 2016]. Оно опирается на радикальную грамматику конструкций и теорию концептуальной интеграции, синтез

которых связан с символным пониманием переработки данных, независимой от опыта перемещения человека в пространстве.

Эта статья посвящена описанию методологии когнитивно-грамматического исследования топонимов, интегрирующей принципы энактивизма, грамматики конструкций и концептуальных теорий метонимии и метафоры. В русле конструктивистской парадигмы изучения когнитивных процессов предлагается подход к моделированию системы пространственной ориентации, раскрывающий взаимосвязь перцептивных и моторных компонентов человеческого опыта.

Первый раздел статьи представляет философско-методологические основания исследования, второй описывает методику моделирования топосистемы на базе грамматики конструкций (далее — ГК), теорий концептуальных метонимии и метафоры.

Моделируемые характеристики системы демонстрируются на основе 4 707 имен географических реалий Республики Беларусь — ойконимов, гидронимов и микротопонимов. В базе данных зафиксирована топонимия шести историко-этнографических регионов страны, каждый из которых представлен двумя районами: Поозерье (Докшицкий и Шумилинский районы), Понеманье (Гродненский и Мостовский районы), Западное Полесье (Брестский и Ивановский районы), Восточное Полесье (Калинковичский и Мозырский районы), Поднепровье (Быховский и Рогачевский районы), Центральная Беларусь (Пуховичский и Червенский районы). Такой подход обеспечивает репрезентативность выборки при сохранении управляемого объема материала, позволяя одновременно учитывать диалектную вариативность и историко-культурные особенности регионов. Критериями выбора конкретных районов послужили полнота представленности топонимических классов (не менее двух единиц класса в пределах района), доступность достоверных источников (включая полевые материалы) и разнообразие ландшафтных характеристик.

Источниковая база включает три типа материалов: 1) официальные нормативные документы (административные справочники и кадастровые издания) [ННП; ТФ]; 2) энциклопедические издания [БКБ]; 3) полевые данные, содержащие сведения о микротопонимах страны [МБ].

Для обработки микротопонимической лексики привлекалась информация, зафиксированная в материалах экспедиционных сборов и региональных тематических публикациях исследователей топонимии Республики Беларусь и представленная в научной литературе попутно с именами объектов изучения [МБ; и др.].

1. Задачи энактивного топонимного исследования и понятие о базисной модели топосистемы

Когнитивный статус работы предполагает, что ее результаты вносят вклад в решение проблемы сознания. Энактивный подход к ней складывается в когнитивной науке как реакция на модель осмысления мира человеком-наблюдателем, которую ранее предложил репрезентационализм [Князева 2014].

Сущностное отличие двух подходов заключается в отношении к проблеме связи восприятия объектов местности человеком с действиями по ее освоению. Репрезентационализм эту связь отрицает, а результатом работы восприятия наблюдателя называет внутренние репрезентации мира в сознании. В контексте исследования пространственного восприятия такой подход связывается с признанием существования в сознании готовых ментальных карт местности, опираясь на которые, субъект впоследствии осуществляет ориентирование [Kitchin 1994: 1–5]. В этом случае топонимы рассматриваются как носители энциклопедического значения, описание их семантики связывается с топоосновами, а количество номинаций, реализующих идею перемещения на местности, ограничивается именами-ориентирами, а также единичными топонимами типа р. *Половинница*, лес *Скородум* [Березович 2009: 179]. При этом из описания фоново-фигурных отношений объектов, значимых в когнитивистике, «выпадают» имена, представляющие собственные характеристики объектов или принадлежность человеку или коллективу.

Энактивизм, в отличие от критикуемого им репрезентационализма, связывает перцепцию и моторику тела человека (*агента* — в терминологии энактивизма) в пространстве, полагая, что многие характеристики объектов агент «добирает» по мере движения в их окружении [O'Regan, Noë 2001: 940]. Это влечет за собой отказ от готовых детализированных ментальных репрезентаций местности. Более подходящей для рассмотрения процесса освоения пространства при этом становится неполная репрезентация — гипотетическая ментальная карта, которая поэтапно создается человеком «в непрерывной деятельности по когнитивному картированию» [Siegel, Cousins 1985: 349]. Конструктивный характер деятельности, реализуемый при опоре на постоянно открытую для пополнения агентом по мере освоения территории карту, подчеркивает:

- 1) естественный и временной характер топономинации по сравнению с готовыми ландкартами и ментальными картами;
- 2) приоритет ориентационной направленности области совместной деятельности [Kravchenko 2022] перед референтивной и номинативной для адаптации к местности в условиях: а) отсутствия детализированной карты местности при создании системы знаков, направленных на поиск

токообъектов; б) вторичности языка по отношению к концептуализации маршрутов и встраиванию в них новых, обнаруженных со временем объектов, значимых для перемещения по территории местных жителей;

3) ограниченность бинарных фигуро-фоновых отношений токообъектов для описания перемещения номинатора в пространстве [Бедаш 2014] (установление закономерностей пространственной дистрибуции референтов имен значимой для жителей территории требует расширения оппозиции «место — пространство» за счет актуализации среднего звена — зоны как части пространства, в которой фиксируются более свойственные для нее, чем для соседних частей, типы топонимов);

4) потенциал рассмотрения всех топонимов как холистических единиц, которые только в единстве своих элементов отражают одно из топонимных значений (ср. условное понимание проприальной семантики как значений токооснов в большинстве существующих работ). Аналогия с поэтапно расширяющейся агентом гипотетической ментальной картой делает перспективной идею такого же постепенного расширения концептуальной стороны топонимов, типичных для определенной зоны, на сопредельные территории, сохранения в них опыта предшествующей зоны, профилирования новых ориентационных характеристик для конструирования концептов новой зоны и их языкового означивания. В таком рекуррентном процессе каждый последующий производный знак определенной зоны опирается на готовый знак соседней территории.

Для демонстрации конструктивной деятельности агента нам следует определиться с начальной референтной точкой (далее — НРТ) энактивной топосистемы, а также с референтными точками, которые будут значимы в контексте представления пространственных отношений в топосистеме и составят ее базисную модель.

В искусственной знаковой системе географии для обозначения начала координат принятые нулевой меридиан и экватор, однако эти условные НРТ не учитывают исходного развития системы ориентирования посредством географических имен в местном контексте. Естественный и локальный характер развития топосистем, а также многочисленные свидетельства этого, представленные учеными [Березович 2009: 195; Ермошкина 2022: 138; Хайдеггер 2003: 134], позволяют при моделировании естественной топосистемы установить многочисленные точки отсчета в населенных пунктах.

Выявление других референтных точек топосистемы мы будем осуществлять на базе референциальных систем, т. е. присущих агенту способов представления пространственной ориентации в языке, предложенных С. Левинсоном [Levinson, Wilkins 2006: 19–22] и примененных к системам ориентации

в ряде экзотических языков его коллегами и учениками [Levinson, Wilkins 2006: 19–22]. Наше исследование топонимов Республики Беларусь будет направлено не только на представление языковых коррелятов указанных референциальных систем, но и на поиск закономерностей развития этих коррелятов при освоении агентом разных зон изучаемого региона.

Проиллюстрируем сказанное. В топонимии Республики Беларусь образцы встроенной системы, наблюдаемые вблизи поселений, указывают на расположение объектов во внутреннем пространстве фоновой реалии, относительно которой они распознаются: лес *Пад бóрам* ‘Под бором’, пок. *Загáй < за гай*¹ ‘за рощу’. На встроенный статус указывает отсутствие в именах идентификатора вида объекта одновременно с наличием локативных показателей. Имя ссылается не на объект, а на пространство, контролируемое фоном, т. е. референтные точки зоны 1 находятся в объектах с именами типа *Бор*, *Гай*.

С удалением от поселений в топонимах фиксируются реальные и имплицитные показатели видов объектов, что говорит об обретении последними «автономии» от фоновой реалии, уходе в ее внешнее пространство, но сохранении к ней привязки: ур. *Загóр’е < гара* ‘гора’; бол. *Залóжнае < лог* ‘суходольный луг’; поле *Падатóчыцы < поле Атóчыца*; мост *Вы́дрыцкі мост < р. Вы́дрыца*; лес *Балábski лес < н. п. Балáба*. Потребность в обособлении фигуры от фона не приводит к смене системы референции: языковые показатели демонстрируют развитие встроенных форм. Референтные точки зоны 2 локализуются в объектах, смежных с фоном, но выделенных из него.

Относительная система референции представлена именами деревень *Масты́ Лéвия* и *Масты́ Прáвия*. Образцы такого типа появляются в окружении встроенных форм, не подменяя их собой, а надстраиваясь над ними: поиск референтов имен учитывает как связь пары с реалией в пределах пространства топообъектов (город *Масты*, встроенная система), так и латеральную размещеннность объектов относительно тела агента при его движении в сторону города по р. *Неман* (относительная система). Референтные точки зоны 3 — фоновый объект и тело человека, ориентированное в направлении фигуры.

Парно именуемые объекты позиционируются также с помощью абсолютной системы референции. Обращение к ней разграничивает встроенные в пространства друг друга референты имен через указание на их соотнесенность по оси «север — юг» (формы *Паўднёвае Гняздзілава*

¹ Во всех случаях, когда приводится мотивирующий апеллятив и нет языковой пометы, имеется в виду белорусский язык.

и *Паўночнае Гняздзілава* обусловлены разделением в XVII в. единого н. п. *Гняздзілава*) или учет расположения на высоких / низких участках территории, в верховьях / низовьях рек: н. п. *Ніжні Млынок* в пойме р. Припять, н. п. *Вéрхняя Свіслач* < р. *Свіслач*. Референтные точки зоны 4 — однотипный объект фигуро-фонового комплекса и ссылка на «неточечную» пространственную перспективу (сторону света, особенность ландшафта).

Образцы трех систем референции продуктивны при передаче пространственных отношений как в топонимах, так и в апеллятивах: ср. *пад гарой*, *залессе*, *мазырскі замак*, *правы бок*, *пауднёвыя могилкі*. Данный факт подчеркивает общность происхождения собственных и нарицательных имен; существует выявление языковых средств ориентирования и референтных точек, значимых при обживании агентом территории; представляет базисные единицы этой когнитивной области по данным грамматики. Географические имена, соотносимые с референциальными системами, демонстрируют корреляцию пространственных и языковых показателей, способность наследовать семантику референтных точек предыдущей зоны.

Исходя из сказанного выше, под базисной моделью энактивной топосистемы мы понимаем когнитивно-лингвистическую структуру пространственной ориентации, организованную вокруг системы иерархических референтных точек различных зон пространства, которые формируются агентом в процессе освоения территории и реализуются через три взаимосвязанных типа референции.

Динамики базисной модели, конвенциально отсылая к позициям объектов-фигур относительно фоновых объектов определенной зоны пространства, указывают на значимые точки маршрутов местных жителей. Отношения между единицами в пределах референтных точек одного уровня осуществляются через конкретизацию предметных характеристик фона: ур. *Замагільнік* < *магільнік*, поле *Заліна* < *ліна* указывают на точки зоны 1, а оз. *Дабёеўскае вóзера* < н. п. *Дабёя*, бол. *Чэрвеньскія балота* < н. п. *Чэрвень* — на точки зоны 2. При переходе между точками соседних зон пространства отношения реализуются через соотнесение базово-профильных характеристик топонимов, которые регулируют наследование именами объектов определенной зоны семантики единиц предыдущей зоны и добавление собственной семантики: в паре имен типа лес *Падлужжа* < луг, лес *Пóбалаўскі лес* < н. п. *Пóбала́ва* первый из примеров ориентирует в направлении леса через его встроенность во внутреннее пространство луга, во втором — встроенность перемещается во внешнее пространство поселения, свидетельствуя о достижении объектом «лес» самостоятельного статуса в пределах топосистемы.

Энактивная топосистема формируется на уровне локального сообщества и, соответственно, ограничена ареалом распространения географических названий, общих для представителей этой группы. Референциальные точки каждого из уровней соотнесены с конкретными объектами, которые знакомы жителям, а целостная система ориентации отражает повседневные маршруты местного сообщества.

Агент, создающий энактивную топосистему, — это усредненный представитель локального сообщества, чье пространственное сознание характеризуется совместным перцептивным опытом (общие ориентиры), коллективной моторной практикой (типичные маршруты), наследуемыми языковыми шаблонами (устойчивые конструкции типа «Под X», «За Y»).

Диалектные особенности влияют на систему через вариативность региональных локативных показателей, различия в номинации фоновых объектов, особенности грамматической категоризации.

Модель отражает процесс когнитивного картографирования пространства, при котором языковые конструкции выступают в качестве фиксаторов этапов перцептивно-моторной адаптации человека к своему окружению.

Разработка энактивной модели топонимии сводится к решению следующих задач:

- выстроить сеть топонимов региона, базируясь на их грамматических показателях;
- соотнести эту сеть с расположением объектов относительно референтных точек территории;
- показать связи топонимов, соотносимых с точками одной и разных зон пространства, а также механизмы расширения когнитивной модели топосистемы.

2. Моделирование сети топонимии на базе грамматики конструкций

Холистический подход к единицам анализа, используемый нами, располагает к рассмотрению топонима как готового образца открытой к пополнению ментальной карты (см. раздел 1), а семантики имени — как некомпозициональной.

Подчеркнем, что в контексте энактивизма мы не уподобляем целостность имени ярлыку, который ссылается на единственный объект в мире, а обращаемся к положениям ГК. Это направление исследования рассматривает язык как систему конструкций — неразложимых на концептуальном уровне сочетаний формы и значения, которые усваиваются через опыт и взаимодействие

с речевой средой. Основы и форманты имен выделяются в ГК лишь как факультативная процедура языкового (поверхностного) уровня.

Понимание сущности топонима как единства позволяет не сводить его значение к топооснове и поставить под сомнение понимание целостности имени как суммы его основы, форманта и концептуального предиката.

В рамках ГК выделяются базисные единицы описываемой области и механизмы, эксплицирующие связи между конструкциями, в том числе те, что вовлекают в категорию окказионализмы [Fillmore 2004; Fillmore, Kay 1999; Goldberg 1995]. Конструкции извлекаются носителями языка в процессе употребления самих знаков [Goldberg 1995] и становятся основой для их последующего использования в конкретной сфере. Так описывается генерализация образцов речи.

Речевой статус конструкций предполагает их взаимосвязь, что позволяет ГК представить предмет исследования не как обособленные паттерны, а как сеть символов, наследующих свойства друг друга и в совокупности создающих непрерывное пространство языковых форм [Goldberg 2006; Diessel et al. 2015]. Так описывается рекуррентность конструкций. Связи между ними реализуются через механизмы аналогии, метонимии, метафоры и др.

Язык предстает как ряд взаимосвязанных схем, обладающих схожей грамматической семантикой в рамках семантического поля / сферы деятельности. Область применения служит круг элементов, типичных для выражения требуемых значений, до тех, что организуют базисную модель. Так, для ориентирования на местности, судя по данным систем референции (см. раздел 1), агент локализует именуемый объект во внутреннем или внешнем пространстве иной реалии, обращаясь при необходимости к схеме тела человека и природным характеристикам местности. В ГК учет таких «лицензированных» способов обозначения квалифицируется как *п о р о ж д е н и е*. Став привычными, способы применяются по аналогии, вовлекая в готовые модели элементы, нетипичные для данной сферы. В этом случае говорят о *штамповке* [Fillmore 2004].

Разработка проблем когнитивной топонимики А. Лейно на базе радикальной грамматики конструкций [Leino 2016] связана с разграничением результатов действия аналогии и иных механизмов порождения имен. Согласно его концепции, генерализуемые конструкции — это грамматические примитивы, несущие салиентное топонимическое значение (указание на место), а их составляющие — атомарные элементы, которые формируют языковое пространство презентаций объектов. Разнообразие имен связывается с кластеризацией семантических подпространств, одно из которых указывает на виды объектов, а другое — на признаки. Объединение пространств

представлений о топообъектах в единые концепты автор осуществляет на базе теории концептуальной интеграции, комбинируя в пределах единого бленда данные языкового и пространственного доменов. Широкие топонимические обобщения контрастируют с узким кругом семантических микросистем: анализируются имена, демонстрирующие модельные эффекты, когда имена создаются на контрасте ('белый пруд' / 'черный пруд') и по индукции ('овечий ручей' / 'овечьи пороги') к именам смежных объектов. Ограниченный озерами материал объясняет немногочисленность выявленных конструкций (две).

Энактивный ракурс нашей работы располагает к внесению изменений в моделирование топосистемы по сравнению с описанными способами обработки материала ГК и радикальной грамматики конструкций:

1) проприальная специфика не допускает механического заимствования схем, применимых к апеллятивам: все единицы в ГК представлены однородной нарицательной лексикой, рассматриваемой синхронически, в то время как топонимия, помимо имен, реализующих базисную модель, включает: а) соотносимые с существующими апеллятивами микротопонимы (р. *Рэчка*); б) деэтимологизированные имена крупных объектов (р. *Іпуць*);

2) радикальная грамматика конструкций оставляет за границами исследования: а) систему отсчета и ее референтные точки; б) факторы изменения конструкций, выходящие за пределы контакта смежных объектов.

Данный раздел посвящен перестройке ГК с учетом высказанных замечаний. В нем мы остановимся на методиках:

- формализации списка конструкций топонимии и экспликации в их пределах схем деятельности разного уровня абстракции;
- выявления типов отношений, наблюдаемых в топосистеме;
- определения механизмов, расширяющих энактивную модель.

2.1. Формализация топонимии. Конструкции и их значения

Единицы ГК не являются ортодоксальными знаками языка, но ничем, кроме более свободной трактовки границ языковых единиц, от них не отличаются, представляя собой материально-идеальные единства.

Описание материальной стороны единств требует представления одноструктурных имен в виде формализованных моделей — повторяющихся последовательностей элементов в составе целостных топонимов. Акцент на закономерностях трансформации грамматической семантики ориентирования (см. системы референции, раздел 1) при условном центробежном перемещении агента позволяет представить позиции объектов относительно референтных точек пространства как ключевую составляющую идеальной стороны единства.

Формализация имен опирается на систему обозначений (см. табл. 1).

Таблица 1

Формализация топонимов Республики Беларусь

Обозначение	Соответствие в структуре имени
N	номинативный элемент
A	атрибутивный элемент
Prep	предложный элемент
Pref, suf	аффиксальные элементы
0	несоответствие семантики номинативного элемента имени сфере его использования
1 / 2	соответствие семантики номинативного элемента референции к виду объекта; указание на число признаков, представленных в имени
=	эквивалентность
[]	представление ряда семантических признаков в составе однословного символа
∞	образные признаки объекта
x	понятийные признаки вида объекта
()	несоответствие семантики номинативного элемента референции к виду объекта

Далее описание каждой конструкции включает:

- а) ее формулу;
- б) ее образцы, отмечаемые в топонимии Республики Беларусь;
- в) соотнесенность ее референтов с позицией в пространстве;
- г) мотивацию материально-идеальных соответствий сторон топознака в контексте ориентирования.

2.1.1. Оставим пока «за скобками» предполагаемые центры системы — обозначения поселений, так как, находясь в НРТ, агент не способен к самоосознанию [Гаспарян 2020: 91]. Круговой самореферентный характер работы сознания, постулируемый энактивизмом, допускает выявление центров на последнем этапе моделирования. Подтверждения требует не центральный статус поселений, а возможное ограничение состава типичных НРТ именами определенной структуры.

2.1.2. Только в зоне, примыкающей к центру, фиксируются имена, омонимичные языковым метафорам и географическим терминам.

«**0 N = N [∞A]**» включает метафорические единицы типа г. *Талéрка* ‘Тарелка’, бол. *Шáя* ‘Шея’, пок. *Сварлівая*, не отличающиеся от апеллятивных обозначений предметов быта и характеристик человека. Конструкция описывает позицию места, способ обозначения которого соотносится с предметами из сферы, далекой от обозначения географических реалий. О близости таких имен к НРТ опосредованно свидетельствуют структурный (в именах нет показателей проприальной номинации), семантический (план содержания включает представления человека о себе и предметах, окружающих его до связи с территорией освоения), антропологический (образность и синкетичность восприятия на начальных этапах его развития [Попов 2016: 35]) критерии.

Описанные выше конструкции можно условно назвать конструкциями личного пространства субъекта.

2.1.3. «**1 N = N [xA]**» — минимальная по структуре конструкция из числа противостоящих «субъектным». Топонимы, реализующие ее, соотносятся с апеллятивными обозначениями этих реалий и служат указанием на досягаемый ориентир: оз. *Вóзера* ‘Озеро’, лес *Дубróва* ‘Дубовый лес’, поле *Гáло* ‘Безлесный участок’. Достигимость референтов таких имен подтверждается их локальной приуроченностью — они встречаются исключительно в пределах непосредственного окружения населенных пунктов.

2.1.4. «**Prep N**» реализует базисную модель, встраивая референт имени во внутреннее пространство досягаемого ориентира. Такие топонимы указывают на направление движения в сторону последнего (ур. *До Мóгліц* ‘К кладбищу’, поле *Падвankóвічаў Бор* < лес *Ванкóвічаў Бор*) и на результат этого движения — расположение объекта в «зоне ответственности» ориентира: пок. *На берагáх*, бол. *Падліпай* < *пад ліпай*.

2.1.5. «**Pref N suf**» — результат развития «**Prep N**», учитывающий объектный статус имени: бол. *Залóжнае* ‘За логом’, лес *Пудлóбеччэ* < лес *Любчэ*, н. п. *Прыазёрная*, ур. *Падвóйстраўка* ‘Под островом’. Топоним указывает на место через материально выраженный или имплицитный формант, сохраняя ориентирующий префикс.

Непродуктивность «**Prep N**» и «**Pref N suf**» за пределами микротопонимии свидетельствует об их неприспособленности к емкой передаче семантики ориентирования за границами узкого пространства прилегающей к центру территории. В широкой и менее освоенной местности обязательность ссылки

на объектный статус реалии приводит агента к необходимости выстраивать для незнакомых и удаленных от центра объектов широкого пространства сеть имен, ориентирующих иначе, чем формы, наблюдаемые в узком.

2.1.6. Последующие конструкции (кроме «N») включаются в сеть топонимии, где каждый узел демонстрирует зависимость от других объектов, не обращаясь к ядерным языковым показателям локативности. Характер зависимости фигуры от фона в сравнении с «Prep N» и «Pref N suf» изменяется, переходя из внутреннего пространства ориентиров вблизи поселения, в их внешнее пространство за пределами центра и его окрестностей. Переход системы в новое состояние отражается в обращении к отличительному признаку объекта.

«1 AN» — ключевая базисная форма, включающая разнообразный по семантике топоосновы материала. «Пролагатели маршрутов» за пределы досягаемого пространства и установители новых ориентиров — референты имен, топоосновы которых отсылают к другой реалии, реализуя базисную модель: лес *Крыпульски лес* < н. п. *Крыпулі*, н. п. *Праточнае* < *пратока*. «1 AN» адаптирована к трансляции пространственности, так как использует эксплицированную, но экономную схему ориентирования, сочетающую оба элемента, значимых для описания расположения объекта: фоновую реалию (A) и размещаемую относительно нее фигуру (N).

Адаптивный потенциал «1 AN» отражается в ее продуктивности, способствует выстраиванию схем по аналогии, в которых место фона занимают признаки самой фигуры или указание на ее принадлежность: р. *Асачанка* < *асака* ‘осока’, ур. *Сухі Брадок* ‘Сухой бродок’, ур. *Жагалоука* < фамилия *Жагола*, пок. *Шашків Пожыньки* < фамилия *Шашок*. По-видимому, к именам, ориентирующими непространственно, агент прибегает на более позднем этапе освоения региона, привлекая для их создания структуры, сформированные при описании местоположения объектов. Внесение в ментальные карты местности новых объектов при повторном опросе информантов отмечают психологи [Siegel, White 1975: 31].

2.1.7. «2 AN» лишь формально-лингвистически выглядит как повторное присоединение элемента A к конструкции «1 AN». Она не просто добавляет к последней признак, а отражает одновременную связь объекта с несколькими ориентирами. Референтные точки располагаются в фоновом объекте и на теле человека (встроенная и относительная системы: н. п. *Масты* > н. п. *Масты Лёвыя*, н. п. *Масты Прáвыя*) или в референтах парных имен, дифференцированных через показатели локализации широкого масштаба (встроенная и абсолютная системы: р. *Закóванка* > н. п. *Вéрхняя Закóванка*).

Как и в случае с «1 AN», освоение территории по аналогии приводит в топонимию образцы, исходно не соотносящиеся с типичными для «2 AN» системами референции: н. п. *Саладұхі* ‘Поселение, основанное Солодухой’ > н. п. *Саладұхі Пуничавыя* ‘Поселение, размещаемое вблизи н. п. *Саладұхі* и пущи’ (двойная встроенная).

2.1.8. «(N [xA]) | (1 AN) | (2 AN)» ссылается на расположение объекта через указание на реалию, находящуюся в его внешнем пространстве: бол. *Лужсóк*, поле *Гарá*, пок. *Захарóу Хýтар*. Формула указывает на кластер формально отличных, но функционально подобных имен. Они соотносятся с позицией референтов, которые не попадают в фокус внимания номинатора (см. показатель вида объекта, конфликтующий с реальным) и формируют «ансамблевую» презентацию целого, без презентаций составляющих это целое объектов.

2.1.9. «N». Имена крупных объектов типа р. *Днепр*, р. *Свіслач*, оз. *Медзазоль*, оз. *Межужсóл* отличаются непроизводностью и отсутствием убедительных свидетельств о связи этих имен с языками народов, отмеченных на территории в ходе ее освоения. Целостные референты «N» выходят за границы значимого для жителей местности окружения.

2.2. Инструменты конвенционализации пространственности позиции и типы отношений в топонимах

Символические единицы топонимии (см. 2.1) фиксируют не наблюдаемые признаки референтов, а способы их представления с учетом местоположения. Конвенционализация способов достигается в речи. Конструкции, судя по регулярности их применения, являются абстрактными схемами ориентационной деятельности агента, которые конкретизируются путем кластеризации и описания воспринятых им свойств объектов (размер, фауна и др.) на более низком уровне абстракции.

Следуя логике ГК, мы понимаем топонимную конструкцию как схему регуляции ориентирования, которая складывается во взаимодействии лингвистических и пространственных знаний агента и переносится им на объекты идентичной локализации.

Складывающиеся как результат такого понимания схемы обладают:

а) укорененностью при регулярном целевом использовании и соотнесенности осваиваемой позиции в пространстве с единицами базисной модели (порождение);

б) расширяемостью при образовании имен через аналогии-образцы (штамповка): бол. *Сухí Мox* конвенционально не связано с передачей

пространственной семантики, но под «принуждением» системы ориентирует по аналогии со структурой единиц базисной модели, реализуя указание на объектный статус реалии и заменяя ссылку на позицию по отношению к иной реалии описанием одного из собственных признаков.

Унификация типов а) и б) приводит, во-первых, к генерализации образцов имен и представлению вертикальных отношений между актуализациями схем в именах разных объектов (см. столбцы табл. 2); во-вторых — к рекурренти, которая с каждым следующим элементом схемы расширяет горизонтальные отношения, профилируя новые способы ориентирования в пространстве (см. строки табл. 2).

«Островки» топонимии, не связанные с отсылкой к объектам значимого широкого пространства (2.1.1–2.1.5 и 2.1.9), не интегрированы в единую сеть. Пространственно-языковые корреляции дают основания говорить о:

а) качественной перенастройке человеком системы ориентирования при перемещении от центра (узкое «пространство субъекта») к периферии с ее крупными объектами: реки и озера, лишь частично доступные для визуального восприятия местными жителями, не осознаются как целостные элементы локальной топосистемы («пространство объекта»), лишь в широком «субъект-объектном» пространстве (2.1.6–2.1.8) агенту требуется сеть имен;

б) особой логике, по которой развивается каждое из пространств; скачкообразные изменения системы при пересечении их границ обнаруживают неприспособленность единиц каждого из них для решения задач других — даже при наличии общей для всех единиц цели.

Сказанное обусловливает выделение в энактивной модели топонимии функционально-иерархического типа отношений, который, аккумулируя опыт размещения объектов относительно референтных точек территории, координирует связь человека с пространством топообъектов и отражает эмерджентность системы.

2.3. Перенос значений конструкций на новые объекты как механизм расширения модели топосистемы

Закономерности развертывания топонимии от локального к глобальному ставят под сомнение заключение А. Лейно о пространственной смежности как факторе, определяющем направление переноса значений конструкций, и подталкивают к выводу о том, что выбор конструкции для реалии определяется не близостью «соседа», а положением объекта относительно референтных точек системы. Конструкции при своем воспроизведстве опираются на образцы имен, характерные для зоны, соотносимой с соответствующей точкой, и наследуют семантику предыдущей, более близкой к центру зоны.

Таблица 2

Конструкции топонимии в разных видах объектов

Тип объекта	Конструкция						
	0	«0 N»	«1 N»	«Prep N»	«Pref N sub»	«1 AN»	«2 AN»
богатство	І́оркі	Сі́дзенъ	Балóцца	Пад ўгáм	Пані́ззе	Бы́хáўскае	Грэ́за Вéрхняя
лес, заросли	—	Каро́сса	Бор	Падъ́з Заліўннiam	Міжбрóдзе	Агэ́нкавы Кусты́	—
мост	—	—	Гýлонка	Замінка	—	Бáчыцкі мост	Бóстрап
населенный пункт	Анто́ны	—	Слабадá	Паддзягáрия	Узрэ́ча	Захáрава	Малáя Сíмцы
озеро	—	Падкóвá	Кýдра	—	—	Круглы́наўскае озера	Вялікае Камáрьна
река	—	Кýрнiца	Рýчка	Прыві́лля	—	Асачáнка	Старáя Ухлясць
покос, поле	Багданы́	Дугá	Луко́к	Пат кáдаўб	Засцады́нне	Юхнові́цка	Кýдра
урочище	Сарéрki	Штóнікі	Пáсекi	Пад'ясенам	Загóр'е	Пя́счánка	Гарá
гора, пригорок	—	Талéрка	Бу́зíр	У күмкý	—	Якімáўскі узворак	—

Перенос значений конструкций на новые объекты объясняется далее на основе теорий концептуальных метафор и метонимии — базовых когнитивных механизмов, сопровождающих человека на всех этапах познания мира [Lakoff, Johnson 1980]. Нет оснований думать, что обращение к ним при производстве имен ограничивается переносами значений топооснов, как это подается у К. Ресеги [Reszegi 2022a; 2022b].

Распределение конструкций по зонам пространства и на границах зон демонстрирует параллелизм обращения агента к этим механизмам при ориентировании (см. табл. 3).

Таблица 3

Типы переноса значений конструкций топонимии

Тип переноса / Зоны и границы	Метонимия	Метафора
НРТ	(Жители объекта → объект)	Объект — это человек / его быт
Граница личного пространства		Нет связей
Зона 1	Класс объектов → объект Объект X → объект	Объект — это путь / расположение как результат движения по пути
Граница узкого пространства	Объект — место на границе узкого и широкого пространств	
Зоны 2–4	Объект X → объект	Объект — это пункт рядом с реалией другого вида Объект — это пункт рядом с реалией того же вида
Граница широкого пространства	Объект — место за пределами широкого пространства	

Прокомментируем типы переносов в системе, отметив вероятность актуализации каждой из конструкций в определенной зоне и значения, приписываемые реалии при их осуществлении.

2.3.1. Концептуальная метонимия как механизм по замещению концептов в пределах одной области знания представлен тремя типами переносов, описанными от центра к периферии.

Перенос «жители объекта → объект» наблюдается в центре и применяется для задания исходной точки системы ориентирования. На центральность таких имен опосредованно указывают их амбивалентные свойства. Способ

переноса значения связывает их с «(N [xA]) | (1 AN) | (2 AN)»: н. п. *Варганы* < коллективное имя *Варганы* < фамилия *Варгáн*, н. п. *Яцукі* < коллективное имя *Яцукі* < фамилия *Яцук* (ср. пок. *Старáя Ракá* < *старая рака* ‘старая река’; лес *Вóмишар* < *вомишар* ‘моховое болото’ и др.). Обычно такие «дублирующие» имена регулируют взаимодействие «топоним → топоним» как этап развития топознака, на котором имя перестает соотноситься с видом номинируемого объекта. Однако область-источник переноса отсылает к коллективу, содействуя регуляции взаимодействия «антропоним → топоним» как первому шагу освоения пространства вокруг поселения. Таким образом, центры топосистем связаны с именами деревень типа *Варганы*, *Яцукі* (см. 2.1.1).

Перенос «**класс объектов → объект**» располагается в зоне, примыкающей к центру, и применяется для фиксации с помощью географического термина досягаемого в узком пространстве ориентира: лес *Алéшнік* < *алéшнік* ‘ольховый лес’, ур. *Далíна* < *далíна* ‘долина’.

Перенос «**объект X → объект**» наблюдается за пределами центра и применяется при слиянии нескольких сопредельных объектов в «ансамблевую» презентацию. Находящийся вне фокуса внимания объект воспринимается как зависимая часть общего пространства с более заметным: оз. *Лескавічы* < н. п. *Лескавічы*, бол. *Пúичча* < *пúичча* ‘пуща’.

Эти переносы конструкций объединяет нацеленность агента на вовлечение существующих реалий и их обозначений в установление ориентиров местности и их консолидацию за счет объектов окружения, не склонных к выделению из фона. Расширение модели осуществляется через перенос значения в пределах домена «объект-ориентир», а созданные единицы сохраняют и н д е к с а ль н о с т ь, фиксируя в имени указание на реалию и ее окружение без индивидуальной характеристики.

2.3.2. Концептуальная метафора как механизм по установлению связей между концептами разных областей также представлен тремя типами переносов.

Перенос «**объект — это человек и его быт**» располагается в центре и применяется для фиксации объекта, который привлекает агента на первом этапе освоения местности, когда предметы и отношения познанного окружения проецируются на незнакомые географические реалии: пок. *Шырóкі Куль* < *шырóкі куль*, ур. *Тарéлык* < *тарэлка*.

Перенос «**объект — это путь / расположение как результат движения по пути**» наблюдается в зоне, примыкающей к центру, и применяется для описания позиции объекта как пути во внутреннее пространство ориентира и результат этого перемещения: лес *Пад бóрам* < *пад бóрам* ‘под бором’,

н. п. *Заобаль* < р. *Обаль*. Такого типа имена в традиционной топонимике трактуются однозначно — как результаты метонимического переноса («бор → лес» и «река → деревня»). Отнесение нами таких образцов к результатам концептуальной метафоры обусловлено двумя факторами. Во-первых, это их очевидная генетическая связь с когнитивной схемой «источник — путь — цель», включающая, по Дж. Лакоффу, компоненты «источник», «путь», «назначение», «направление» [Лакофф 2004: 358–362], которые в полном составе встречаются в предложениях типа *Ад вёскі я накіраваўся да Поля ў Шырокіх* ‘Из деревни я направился к полю у Широких’. В топонимах последовательно утрачиваются компоненты «источник» (редкие имена типа поле *Поля ў Шырокіх*, бол. *Мох пад Целяшом*) и «назначение» (пок. *За брóдам* < *брод* и др.). Второй фактор — предложенный в статье подход описания семантики холистических имен, т. е. через учет не только связи с фоновым объектом, но и приведением схемы движения в его внутреннее пространство.

Перенос **«объект — это точка рядом с ориентиром»** располагается в значимом пространстве вдали от центра и применяется для вынесения объекта во внешнее пространство ориентира. Существенно разграничение разно- и одновидовых объектов. Первые рассматриваются в контексте взаимодействия фона и фигуры, в котором один из объектов понимается как более значимый: пок. *Юхновіцка* < н. п. *Юхнавічы*, р. *Бярвёнка* < н. п. *Бярві*. Вторые, помимо иерархической связи с фоном, актуализируют параллельную «связь равных»: н. п. *Самўйлавічы* > н. п. *Самўйлавічы Гóрныя*, н. п. *Самўйлавічы До́льныя*. Так же как при описании предыдущей концептуальной метафоры, данные образцы взяты как холистические единицы. В первой паре примеров они точечно указывают на фон, не уточняя направление движения (*Юхновіцка*, *Бярвёнка*) и тем самым сокращая когнитивную схему «источник — путь — цель» до указания на пункт назначения. Во второй паре для различения двух тезоименных объектов с общей историей точечное указание на пункт назначения дополняется показателями, находящимися за пределами фигуро-фоновых отношений объектов топосистемы.

Эти переносы объединяет нацеленность агента на выстраивание иерархии объектов. Сравнение реалий сложнее их идентификации и требует обращения к информации из областей, не связанных с указанием на часть пространства. Расширение модели происходит через перенос значения из доменов «человек и его быт», «путь к объекту», «точка рядом с ориентиром» в домен «объект-ориентир». Созданные единицы сохраняют иконосталь, отражая в имени структуру восприятия референта через включение в состав имени указаний на объект и на способ его представления.

2.3.3. Перенос значений конструкций на границах зон. Неоднородность способов освоения пространства отмечается в зонах перенастройки системы ориентирования.

Полоса разграничения пространственных отношений субъекта и объекта — «демаркационная линия», ограничивающая центр системы от зон взаимодействия агента с разнообразными объектами за пределами НРТ. Промежуточные формы имен, которые вобрали бы в себя одновременно показатели имен-конструкций личного пространства (н. п. *Aյсéi* < коллективное имя *Aյсéi*, н. п. *Лíski* < коллективное имя *Líski*, г. *Талéрка* < *тарелка* ‘тарелка’, поле *Дугá* < *дуга*) и зоны 1 — досягаемых ориентиров и объектов, находящихся в их внутреннем пространстве (бол. *Балóцца* < *балóтца*, р. *Рéчка* < *рéчка*, бол. *Падлíпай* < *пад лíпай*, н. п. *Паддзягýрня* < *пад дзягýрня* ‘под дегтярней’) в исследованном материале не выявлены.

Полоса разграничения узкого / широкого пространства. Переход границы зон досягаемых объектов (1) и реалий за пределами центра (2) порождает топонимы, совмещающие переносы, типичные одновременно для обеих зон: ур. *Падвойстраўка* представляет метафорические схемы «объект — это путь» (пройти *под остров*, чтобы достичь реалии), и «объект — это точка рядом с ориентиром» (объектный статус места, см. суффикс *-ка*).

Полоса разграничения значимых / незначимых пространственных отношений наблюдается при переходе от зон некрупных реалий (2–4) широкого пространства, локализацию которых можно представить через базисные единицы, к протяженной и менее эффективной для поиска мест (в силу размера) зоне крупных объектов. Последние выходят за границы окружения, значимого для местного жителя (одно-два поселения) и со временем утрачивают прозрачность внутренней формы, становясь символами всего региона: реки *Дзвіна*, *Прыпяць*.

Заключение

1. Когнитивно-грамматический подход к исследованию топонимов, предложенный в статье, разработан на базе энактивистской методологии, стремящейся преодолеть ограниченность методологии презентационализма при языковом представлении динамических процессов ориентирования человека в пространстве топообъектов. Теоретически обоснован конструктивистский подход к формированию топонимии как когнитивной области ориентирования на местности. Отмечена недостаточность рассмотрения фигуро-фоновых отношений объектов для описания перемещений номинатора в пространстве топообъектов. На основе междисциплинарных свидетельств о естественном

и локальном характере развития топосистем, а также референциальных систем С. Левинсона выделены референтные точки топосистемы, определена и представлена ее базисная модель.

2. Конструктивистский характер когнитивно-грамматического подхода обуславливает обращение к методике исследования, интегрирующей принципы энактивизма, грамматики конструкций и концептуальных теорий метонимии и метафоры. Их комплексное использование содействует раскрытию взаимосвязи перцептивных и моторных компонентов человеческого опыта. Обосновано применение грамматики конструкций к топонимии, к описанию семантических характеристик географических имен адаптированы терминология и принципы обработки языкового материала, характерные для этого направления когнитивной лингвистики. Подчеркивается, что предложенная модель преодолевает ограничения грамматики конструкций и радикальной грамматики конструкций, соответственно учитывая проприальную специфику топонимии и интегрируя референтные точки топосистемы для показа динамики и конструктивного характера ее становления. В результате формализации структурно-семантических характеристик географических имен Республики Беларусь выделены девять конструкций топонимии. На основе их семантических показателей выстроена сеть топонимии. Единицы сети соотнесены с расположением объектов относительно референтных точек местности. На материале ойконимов, гидронимов и микротопонимов Республики Беларусь продемонстрировано, как языковые конструкции отражают иерархию референтных точек и зон освоения территории. Определено, что границы между зонами пространства (личное, узкое, широкое) маркируются сменой доминирующих когнитивных стратегий, что подтверждается анализом конструкций типа «Prep N», «1 AN» и «2 AN». Особое внимание уделяется механизмам расширения модели через концептуальные метонимию и метафору, а также функционально-иерархическим отношениям между конструкциями. Выявлены по три типа метонимических («жители → объект», «класс объектов → объект», «объект X → объект») и метафорических («объект — это человек и его быт», «объект — это путь», «объект — это точка рядом с ориентиром») переносов, демонстрирующих различный функционал.

Сокращения

В названиях географических объектов

г.	гора	пок.	покос
н. п.	населенный пункт		

Источники

- БКБ — Блакітная кніга Беларусі : энцыкл. / рэд. Н. А. Дзісько і інш. Мінск : БелЭн, 1994.
- МБ — Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы / рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1974.
- ННП — Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: нарматыўны даведнік : у 6 ч. / пад рэд. В. П. Лемцюговай. Мінск : Тэхналогія, 2003–2010.
- ТФ — Торфянай фонд Белорусской ССР : кадастровый справочник. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. Минск : Госторффонд, 1979.

Исследования

- Бедааш Ю. А.* Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 211–218.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Гаспарян Д. Э.* Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 80–96. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96>
- Ермошкина Г. Ф.* Микротопонимия Смоленской области: географический аспект // Географическая среда и живые системы. 2022. № 4. С. 129–144. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2022-4-129-144>
- Князева Е. Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. СПб. : ЦГИ Принт, 2014.
- Ковлакас Е. Ф.* К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 4. Ч. 2. С. 326–354. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354>
- Копач А. І.* Тапанімічна прастора Беларусі ў кагнітыўным аспекте (на матэрыяле назваў топааб’ектаў натуральнай намінацыі). Мінск : БГУ, 2020.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Попов С.* Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение // Jazykovedný časopis. 2016. Roč. 67, č. 1. S. 31–44. <https://doi.org/10.1515/jazcas-2016-0009>
- Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003.
- Diessel et al. 2015 — *Diessel H. / et al. J.* Usage-based construction grammar // Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by E. Dąbrowska, D. Divjak. Berlin : Mouton de Gruyter, 2015. P. 295–321.
- Fillmore Ch. J.* Idiomaticity // Berkeley construction grammar. URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html> (date of access: 01.08.2024).
- Fillmore Ch. J., Kay P.* Grammatical constructions and linguistic generalizations: the What’s X doing Y construction // Language. 1999. Vol. 75, No. 1. P. 1–34.
- Goldberg A.* Constructions at work: the nature of generalization in language. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldberg A. E.* Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1995.
- Kitchin R. M.* Cognitive maps: What are they and why study them? // Journal of Environmental Psychology. 1994. Vol. 14, No. 1. P. 1–19.

- Kravchenko A. V.* Towards a paradigm change in language studies // Constructivist Foundations. 2022. Vol. 18, No. 1. P. 63–68.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980.
- Leino A.* Place-names as constructions // Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. Hamburg : Baar, 2016. P. 103–123.
- Levinson, Wilkins 2006 — Grammars of space: Explorations in cognitive diversity / ed. by S. C. Levinson, D. Wilkins. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006.
- O'Regan J. K., Noë A.* A sensorimotor account of vision and visual consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 2001. Vol. 24, No. 5. P. 939–973.
- Reszegi K.* A cognitive approach in onomastics: some notes on metaphorical place-names // Вопросы ономастики. 2022a. Т. 19, № 1. С. 235–244. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.012
- Reszegi K.* Metonymic namegiving from a cognitive perspective // Acta onomastica. 2022b. Т. 63, No. 1. P. 206–225.
- Reszegi K.* Proper names in cognitive onomastics: Meaning and categorization of proper names // Onomástica desde América Latina. 2023. Vol. 4. P. 1–32. <https://doi.org/10.48075/odal.v4i1.30589>
- Schlücker B., Ackermann T.* The morphosyntax of proper names: An overview // Folia Linguistica. 2017. Vol. 51. P. 309–339. <https://doi.org/10.1515/flin-2017-0011>
- Siegel A. W., Cousins J. H.* The symbolizing and symbolized child in the enterprise of cognitive mapping // The development of spatial cognition / ed. by R. Cohen. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers, 1985. P. 347–368.
- Siegel A. W., White S. H.* The Development of Spatial Representation of Large-Scale Environments // Advances in Child Development and Behavior / ed. by H. W. Reese. New York : Academic Press, 1975. P. 9–55.
- Stolz et al. 2014 — The crosslinguistics of zero-marking of spatial relations / ed. by T. Stolz, F. Jacquesson, P. C. Muysken. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014.
- Stolz T., Levkovych N.* Grammatical versus onymic classifiers: first thoughts about a potentially interesting topic // Aspects of the grammar of names. Empirical case studies and theoretical topics / ed. by N. Levkovych, J. Nintemann. Munich : LINCOM Europa, 2020. P. 140–165.
- Van Langendonck W.* Theory and Typology of Proper Names. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2007.

References

- Bedash, Yu. A. (2014). Analiz prostranstva v fenomenologii Edmunda Gusserlia i Morisa Merleau-Ponti [The Analysis of Space in the Phenomenology of Edmund Husserl and Maurice Merleau-Ponty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 4, 211–218.
- Berezovich, E. L. (2009). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskem aspekte: prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Perspective: Space and Man]. Moscow: LIBROKOM.
- Diessel, H. et al. (2015). Usage-based Construction Grammar. In E. Dąbrowska, & D. Divjak (Eds.), *Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 295–321). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Ermoshkina, G. F. (2022). Mikrotoponimiia Smolenskoi oblasti: geograficheskii aspekt [Microtoponymy of the Smolensk Region: A Geographical Perspective]. *Geograficheskaiia sreda i zhivye sistemy*, 4, 129–144. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2022-4-129-144>
- Fillmore, Ch. J. (2004). Idiomaticity. In *Berkeley construction grammar*. Retrieved from <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html>
- Fillmore, Ch. J., & Kay, P. (1999). Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The What's X Doing Y Construction. *Language*, 75(1), 1–34.

- Gasparyan, D. E. (2020). Fenomenologija bez transsental'nogo sub"ekta: neirofenomenologija i enaktivizm v poiskakh perspektivy ot pervogo litsa [Phenomenology without a Transcendental Subject: Neurophenomenology and Enactivism in Search of the First-Person Perspective]. *Filosofskii zhurnal*, 13(1), 80–96. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96>
- Goldberg, A. (2006). *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldberg, A. E. (1995). *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremia* [Being and Time]. Kharkov: Folio.
- Kitchin, R. M. (1994). Cognitive Maps: What are They and Why Study Them? *Journal of Environmental Psychology*, 14(1), 1–19.
- Knyazeva, E. N. (2014). *Enaktivizm: novaia forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. St Petersburg: TsGI Print.
- Kopach, A. I. (2020). *Tapanimichnaia prastora Belarusi u kagnityunym aspektse (na materyiale nazvau topaab'ektau natural'nai naminatsyi)* [The Toponymic Space of Belarus in the Cognitive Aspect (Based on the Names of Naturally Nominated Topographical Features)]. Minsk: Belarusian State University.
- Kovlakas, E. F. (2021). K voprosu izucheniiia toponimov v kognitivnom aspekte [On the Study of Toponyms from a Cognitive Perspective]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, 13(4/2), 326–354. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354>
- Kravchenko, A. V. (2022). Towards a Paradigm Change in Language Studies. *Constructivist Foundations*, 18(1), 63–68.
- Lakoff, G. (2004). *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Leino, A. (2016). Place-names as Constructions. In S. Brendler (Ed.), *Cognitive Onomastics: A Reader* (pp. 103–123). Hamburg: Baar.
- Levinson, S. C., & Wilkins, D. (2006). *Grammars of Space: Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Regan, J. K., & Noë, A. (2001). A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*, 24(5), 939–973.
- Popov, S. (2016). Metonimiia i metafora kak korrelaty dvukh etapov vynuzhdennogo poverkhnostnogo vospriyatiia vozmozhnosti sozdat' novoe leksicheskoe znachenie [Metonymy and Metaphor as Correlates of Two Stages of Forced Surface-Level Perception of the Possibility of Creating New Lexical Meaning]. *Journal of Linguistics*, 67(1), 31–44. <https://doi.org/10.1515/jazcas-2016-0009>
- Reszegi, K. (2022a). A Cognitive Approach to Onomastics: Some Notes on Metaphorical Place-names. *Voprosy onomastiki*, 19(1), 235–244. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.012
- Reszegi, K. (2022b). Metonymic Namegiving from a Cognitive Perspective. *Acta onomastica*, 63(1), 206–225.
- Reszegi, K. (2023). Proper Names in Cognitive Onomastics: Meaning and Categorization of Proper Names. *Onomástica desde América Latina*, 4, 1–32. <https://doi.org/10.48075/odal.v4i1.30589>
- Schlücker, B., & Ackermann, T. (2017). The Morphosyntax of Proper Names: An Overview. *Folia Linguistica*, 51, 309–339. <https://doi.org/10.1515/flin-2017-0011>
- Siegel, A. W., & Cousins, J. H. (1985). The Symbolizing and Symbolized Child in the Enterprise of Cognitive Mapping. In R. Cohen (Ed.), *The Development of Spatial Cognition* (pp. 347–368). Hillsdale: Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers.

- Siegel, A. W., & White, S. H. (1975). The Development of Spatial Representation of Large-Scale Environments. In H. W. Reese (Ed.), *Advances in Child Development and Behavior* (pp. 9–55). New York: Academic Press.
- Stolz, T., Jacquesson, F., & Muysken, P. C. (Eds.). (2014). *The Crosslinguistics of Zero-marking of Spatial Relations*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Stolz, T., & Levkovych, N. (2020). Grammatical versus Onymic Classifiers: First Thoughts about a Potentially Interesting Topic. In N. Levkovych, & J. Nintermann (Eds.), *Aspects of the Grammar of Names. Empirical Case Studies and Theoretical Topics* (pp. 140–165). Munich: LINCOM Europa.
- Van Langendonck, W. (2007). *Theory and Typology of Proper Names*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.